

Теперь я большой, а тогда мы с сестрой были еще маленькие.

Вот раз приходит к отцу какой-то важный гражданин.

Страшно важный. Особенно шуба. Мы подглядывали в щелку, пока он в прихожей раздевался. Как распахнул шубу, а там желтый пушистый мех и по меху все хвостики, хвостики... Черноватенькие хвостики. Как будто из меха растут. Отец раскрыл в столовую двери:

- Пожалуйста, прошу.

Важный - весь в черном, и сапоги начищены. Прошел, и двери заперли.

Мы выкралась из своей комнаты, подошли на цыпочках к вешалке и гладим шубу. Щупаем хвостики. В это время приходит Яшка, соседний мальчишка, рыжий. Как был: в валенках вперся и в башлыке.

- Вы что делаете?

Таня держит хвостик и спрашивает тихо:

- А как по-твоему: растет так из меху хвостик или потом приделано?

А Рыжий орет как во дворе:

- А чего? Возьми да попробуй.

Таня говорит:

- Тише, дурак: там один важный пришел.

Рыжий не унимается:

- А что такое? Говорить нельзя? Я не ругаюсь.

С валенок снег не сбил и следит мокрым.

- Возьми да потяни, и будет видать. Дура какая! Видать бабу... Вот он так сейчас, - и Рыжий кивнул мне и мигнул лихо.

Я сказал:

- Ну да, баба, - и дернул за хвостик. Не очень сильно потянул: только начал. А хвостик - пак! и оторвался.

Танька ахнула и руки сложила. А Рыжий стал кричать:

- Оторвал! Оторвал!

Я стал совать скорей этот хвостик назад в мех: думал, как-нибудь да пристанет. Он упал и лег на пол. Такой пушистенький лежит. Я схватил его, и мы все побежали к нам в комнату. Танька говорит:

- Я пойду к маме, реветь буду, - ничего, может, и не будет.

Я говорю:

- Дура, не смей! Не говори. Никому не смей!

Рыжий смеется, проклятый. Я сую хвостик ему в руку:

- Возьми, возьми, ты же говорил...

Он руку отдернул:

- Что ж, что говорил! А рвал-то не я! Мне какое дело!

Потер варежкой нос - и к двери.

Я Таньке говорю:

- Не смей реветь, не смей! А то сейчас спрашивать начнут, и все пропало.

Она говорит и вот-вот заревет:

- Пойдем посмотрим, может быть, незаметно? Вдруг незаметно?

Я держал хвостик в кулаке. Мы пошли к вешалке. И вот все ровно-ровно идут хвостики, довольно густовато, а тут пропуск, пусто. Видно, сразу видно, что не хватает.

Я вдруг говорю:

- Я знаю: приклеим.

А клей у папы на письменном столе, и если будешь брать, то непременно спросят: зачем? А потом,

там в кабинете сидит этот важный, и входить нельзя.

Танька говорит:

- Запрячем, лучше запрячем, только скорей! Подальше, в игрушки.

У Таньки были куклы, кукольные кроватки. Нет, туда нельзя. И я засунул хвостик в поломанный паровоз, в середину.

Мы взялись за кукол и очень примерно играли в гости, как будто бы на нас все время кто смотрит, а мы показываем, как мы хорошо играем.

В это время слышим голоса. Важный гудит басом. И вот уж они в прихожей, и горничная Фрося затопала мимо и говорит скоренько:

- Сейчас, сейчас шубу подам.

Мы так с куклами и замерли, еле руками шевелим.

Таня дрожит и бормочет за куклу:

- Здравствуйте! Как вы поживаете? Сколько вам лет? Как вы поживаете? Сколько вам лет?

Вдруг дверь к нам отворяется: отец распахнул.

- А вот это, - говорит, - мои сорванцы.

Важный стоит в дверях, черная борода круглая, мелким барашком, и улыбается толстым лицом:

- А, молодое поколение!

Ну, как все говорят.

А за ним стоит Фроська и держит шубу нараспашку. Отец нахмурился, мотнул нам головой. Танька сделала кривой реверанс, а я что было силы шаркнул ножкой.

- Играете? - сказал важный и вступил в комнату. Присел на корточки, взял куклу. И я вижу, в дверях дура Фроська стоит и растянула шубу, как будто нарочно распялила и показывает. И это пустое место без хвостика так и светит. Важный взял куклу и спрашивает:

- А эту барышню как же зовут?

Мы оба крикнули в один голос:

- Варя!

Важный засмеялся:

- Дружно живете.

И видит вдруг у Таньки слезы на глазах.

- Ничего, ничего, - говорит, - я не испорчу.

И скорей подал пальчиками куклу. Поднялся и потрепал Таню по спине. Он пошел прямо к шубе, но смотрел на отца и не глядя стал попадать в рукава. Запахнул шубу; Фроська подсовывает глубокие калоши.

Не может быть, чтобы отец не заметил. Но отец очень веселый вошел к нам и сказал смеясь:

- Зачем же конем таким?

И представил, как я шаркнул.

В этот день мы с Танькой про хвостик не говорили. Только когда пили вечером чай, то все переглядывались через стол, и оба знали, что про хвостик. Я даже раз, когда никто не глядел, обвел пальцем по скатерти, как будто хвостик. Танька видела и сейчас же уткнулась в чашку.

Потом мне стало весело. Я поймал Ребика, нашу собаку, зажал его хвост в кулак, чтоб из руки торчал только кончик, и показал Таньке. Она замахала руками и убежала.

На другой день, как проснулся, вспомнил сейчас же хвостик. И стало страшно: а ну как важный только для важности в гостях и не глядит даже на шубу, а дома-то небось каждый хвостик переглаживает? Даже, наверно, наизусть знает, сколько их счетом. Гладит и считает: раз, два, три, четыре... Вскочил с постели, подбежал к Таньке и шепчу ей под одеяло в самое ухо:

- Он, наверное, дома пересчитает хвостики и узнает. И пришлет сюда человека с письмом. А то сам приедет.

Танька вскочила и шепчет:

- Чего ж там считать, и так видно: вот какая пустота! - и обвела пальцем в воздухе большой круг.

Мы на весь день притихли и от каждого звонка прятались в детскую и у дверей слушали: кто это, не за хвостиком ли?

Несколько дней мы так боялись.

А потом я говорю Таньке:

- Давай посмотрим.

Как раз никого в квартире не было, кроме Фроськи. Заперли двери, и я тихонько вытянул из паровоза хвостик. Я и забыл, какой он хорошенький, пушистенький.

Таня положила его к себе на колени и гладит.

- Пудя какой, - говорит. - Это собачка кукольная.

И верно. Хвостик в паровозе загнулся, и совсем будто собачка свернулась и лежит с пушистым хвостом.

Мы сейчас же положили его на кукольный диван, примерили. Ну, замечательно!

Танька закричала:

- Брысь, брысь сейчас! Не место собакам на диване валяться! - и скинула Пудю. А я его Варьке на кровать.

А Танька:

- Кыш, кыш! Вон, Пудька! Блох напустишь...

Потом посадили Пудю Варьке на колени и любовались издали: совсем девочка с собачкой.

Я сейчас же сделал Пуде из тесемочки ошейник, и получилось совсем как мордочка. За ошейник привязали Пудю на веревочку и к Варькиной руке. И Варьку водили по полу гулять с собачкой.

Танька кричала:

- Пудька, тубо!

Я сказал, что склею из бумажек Пуде намордничек.

У нас была большая коробка от гильз. Сделали в ней дырку, Танька намостила тряпок, и туда посадили Пудю, как в будку. Когда папа позвонил, мы спрятали коробку в игрушки. Забросали

всяким хламом. Приходил к нам Яшка Рыжий, и мы клали Пудю Ребику на спину и возили по комнате - играли в цирк. А раз, когда Рыжий уходил, он нарочно при всех стал в сенях чмокать и звать:

- Пудя! Пудька! - И хлопал себя по валенку.

Прибежал Ребик, а Яшка при папе нарочно кричит:

- Да не тебя, дурак, а Пудю. Пудька! Пудька!

Папа нахмурился:

- Какой еще Пудька там? - И осматривается.

Я сделал Яшке рожу, чтобы уходил. А он мигнул и язык высунул. Ушел все-таки.

Мы с Таней сговорились, что с таким доносчиком не будем играть и водиться не будем. Пусть придет - мы в своей комнате запремся и не пустим. Я забил сейчас же гвоздь в притолоку, чтобы завязывать веревкой ручку. Я завязал, а Таня попробовала из прихожей. Здорово держит. Потом Танька запиралась, а я ломился: никак не открыть. Как на замке. Радовались, ждали пусть только Рыжий придет.

Я Пуде ниточкой замотал около кончика, чтобы хвостик отделялся. Мы с Таней думали, как сделать ножки, - тогда совсем будет живой.

А Рыжий на другой же день пришел. Танька прибежала в комнату и шепотом кричит:

- Пришел, пришел!

Мы вдвоем дверь захлопнули, как из пушки, и сейчас же на веревочку.

Вот он идет... Толкнулся... Ага! Не тут-то было. Он опять.

- Эй, пустите, чего вы?

Мы нарочно молчим. Он давай кулаками дубасить в дверь:

- Отворяй, Танька!

И так стал орать, что пришла мама.

- Что у вас тут такое?

Рыжий говорит:

- Не пускают, черти!

- А коли черти, - говорит мама, - так зачем же ты к чертям ломишься?

- А мне и не их вовсе надо, - говорит Рыжий, - я Пудю хочу посмотреть.

- Что? - мама спрашивает. - Пудю? Какого такого?

Я стал скорей отматывать веревку и раскрыл дверь.

- Ничего, - кричу, - мама, это мы так играем! Мы в Пудю играем. У нас игра, мама, такая...

- Так орать-то на весь дом зачем? - И ушла.

Рыжий говорит:

- А, вы, дьяволы, вот как? Запираться? А я вот сейчас пойду всем расскажу, что вы хвостик оторвали. Человек пришел к отцу в гости. Может, даже по делу какому. Повесил шубу, как у людей,

а они рвать, как собаки. Воры!

- А кто говорил: "Дерни, дерни"?

- Никто ничего и не говорил вовсе, а если каждый раз по хвостику да по хвостику, так всю шубу выщипаете.

Танька чуть не ревет.

- Тише, - говорит, - Яша, тише!

- Чего тише? - кричит Рыжий. - Чего мне тише? Я не вор. Пойду и скажу.

Я схватил его за рукав.

- Яша, - говорю, - я тебе паровоз дам. Это ничего, что крышка отстала. Он ходит полным ходом, ты же знаешь.

- Всякий хлам мне суешь, - заворчал Рыжий.

Но хорошо, что кричать-то перестал. Потом поднял с пола паровоз.

- Колесо, - говорит, - проволокой замотал и тычешь мне.

Посопел, посопел...

- С вагоном, - говорит, - возьму, а так - на черта мне этот лом!

Я ему в бумагу замотал и паровоз и вагон, и он сейчас же ушел через кухню, а в дверях обернулся и крикнул:

- Все равно скажу, хвостодёры!

Потом мы с Таней гладили Пудю и положили его спать с Варькой под одеяло. Танька говорит:

- Чтоб ему теплей было.

Я сказал Таньке, что Рыжий все равно обещал сказать. И мы все думали, как нам сделать. И вот что выдумали.

Самое лучшее попасть бы в такое время, когда папа будет веселый, после обеда, что ли. Положить Пудю на платочек на носовой, взять за четыре конца и войти в столовую каким-нибудь смешным вывертом. И петь что-нибудь смешное при этом. Как-нибудь:

Пудю несем,

Пахнем гусем.

И еще там что-нибудь.

Все засмеются, а мы еще больше запоем - и к папе. Папа: "Что это вы, дураки?" - и засмеется. А тут мы как-нибудь кривульно расскажем, и все сойдет. Папе, наверно, даже жалко будет отбирать от нас Пудю.

Или вот еще: на Ребика положим и вывезем. И тоже смешное будем петь. Рыжий придет ябедничать, а все уж и без него знают, и ничего не было. Запремся, как тогда, и пускай скандалит. Мама его за ухо выведет, вот и все.

Я еще в кровати думал, что я устрою Яшке Рыжему.

Утром мы все пили чай. Вдруг вбегает Ребик, рычит и что-то в зубах треплет.

Папа бросился к нему:

- Опять что-нибудь! Тубо, тубо! Дай сюда!

А я сразу понял - что, и в животе похолодело.

Папа держит замусоленный хвостик и, нахмурясь, говорит:

- Что это? Откуда такое?

Мама поспешила, взяла осторожно пальчиками. Ребик визжит, подскакивает, хочет схватить.

- Тубо! - крикнул папа и толкнул Ребика ногой. Поднесли к окну, и вдруг мама говорит:

- Это хвостик. Это от шубы.

Папа вдруг как будто задохнулся сразу и как крикнет:

- Это черт знает что такое!..

Я вздрогнул. А Танька всхлипнула - она с булкой во рту сидела. Папа затопал к Ребику.

- Эту собаку убить надо! Это дьявол какой-то!

Ребик под диван забился.

- Раз уж пришлось за штаны платить... Ах ты, дрянь эдакая! Теперь шубы, за шубы взялся!..

И папа вытянул за ошейник Ребика из-под дивана. Ребик выл и корчился. Знал, что сейчас будут бить. Танька стала реветь в голос. А отец кричит мне:

- Принеси ремень! Моментально!

Я бросился со стула, совался по комнатам.

- Моментально! - заорал отец на всю квартиру злым голосом. - Да свойними, болван! Живо!

Я снял пояс и подал отцу. И папа стал изо всей силы драть ремнем Ребика. Танька выбежала. Папа тычет Ребика носом в хвостик - он на полу валялся - и бьет, бьет:

- Шубы рвать! Шубы рвать! Я те дам шубы рвать!

Я даже не слышал, что еще там папа говорил, - так орал Ребик, будто с него с живого шкуру сдирают. Я думал, вот умрет сейчас. Фроська в дверях стояла, ахала.

Мама только вскрикивала:

- Оставь! Убьешь! Николай, убьешь! - Но сунуться боялась.

- Веревку! - крикнул папа. - Афросинья, веревку!

- Не надо, не надо, - говорит Фроська.

Папа как крикнет:

- Моментально!

Фроська бросилась и принесла бельевую веревку.

Я думал, что папа сейчас станет душить Ребика веревкой. Но папа потащил его к окну и привязал за ошейник к оконной задвижке. Потом поднял хвостик, привязал его за шнурок от штор и перекинул через оконную ручку.

- Пусть видит, дрянь, за что драли. Не кормить, не отвязывать.

Папа был весь красный и запыхался.

- Эту дрянью нельзя в доме держать. Собачникам отдам сегодня же! - И пошел мыть руки. Глянул на часы. - А, черт! Как я опоздал! - И побежал в прихожую.

Пудю Ребик всего зашлюнял, он был мокрый и взъерошенный, и как раз поперек живота туго перехватил его папа шнурком. Он висел вниз головой, потому что видно было сверху перехват хвостика, который я там намотал из ниток. Если б отец тогда хорошенько разглядел, так увидел бы все и догадался бы, что все это не без нас. Да и теперь все равно могут увидеть. Как станут важному назад отсылать хвостик, начнут его чистить - вдруг нитки. Откуда нитки? А уж Ребика все равно побили...

Я сказал Таньке, чтобы украла у мамы маленькие ногтяные ножнички, улучил время, влез на подоконник и тихонько ножничками обрезал нитки. Все-таки осталось вроде шейки, и я распушил там шерсть, чтоб ничего не было заметно.

Ребик подвывал, подрагивал и все лизал задние лапы. Мы с Танькой сели к нему на пол и все его ласкали. Танька приговаривает:

- Ребинька, миленький, били тебя! Бедная моя собака! - Стала реветь. И я потом заревел.

- Отдадут, - говорю, - собачникам. Папа сказал, что отдаст. На живодерню.

И представилось, как придет собачник, накинет Ребичке петлю на шею и потянет. Как ни упирайся, все равно потянет. А потом так, на петле, с размаху - брык в фургон со всей силы. А там на живодерне будут резать. Для чего-то там живых режут, мне говорили.

Потом мы у Фроськи выпросили мяса, - Танька под юбкой мимо мамы пронесла, - и скормили Ребику. А зачем ему есть? Ведь так только, все равно на живодерню.

И мы с Танькой говорили:

- Мы за тебя просить будем, мы на коленки станем и будем плакать, чтоб папа не отдавал.

И это все потому, что Танька выдумала к Варьке подложить Пудю. А Варькина кровать стояла на полу, в углу, на бумажном коврик. Вот Ребик и нанюхал Пудю.

Принесли мы ему пить. Он лакнул два раза и бросил. Танька заревела:

- Он чует, чует!

А я стал ей про живодерню рассказывать. Я сам не знал, а так прямо говорю:

- Двое держат, а один режет. - И показал на Ребике рукой, как режут.

Танька залилась.

- Я скажу, я скажу, что мы!.. Скажем... Хоть на коленки станем, а скажем.

И все ревет, ревет... Я сказал:

- Скажем, скажем. Только чтоб Ребика не отдавали. Не дадим.

И мы так схватились за Ребика, что он взвизгнул.

А время обеда приближалось, и вот уж скоро должен прийти папа со службы. Мама вернулась из города с покупками.

- Не сидите на грязном полу. И не возитесь с собакой - блох напустит.

Мы встали и уселись на подоконнике над Ребичкой и все смотрели на дверь в прихожую. Решили, как папа придет, сейчас же просить, а то потом не выйдет. Таньку послали мыть заплаканную морду. Она скоро: раз-два, и сейчас же прибежала и села на место. Я тихонько гладил Ребика ногой, а Танька не доставала. На стол уже накрыли, свет зажгли и шторы спустили. Только на нашем окне оставили: на шнурке папа повесил Пудю, и никто не смел тронуть.

Позвонили. Мы знали, что папа. У меня сердце забилося. Я говорю Таньке:

- Как войдет, сейчас же на пол, на колени, и будем говорить. Только вместе, смотри. А не я один. Говори: "Папа, прости Ребика, это мы сделали!"

Пока я ее учил, уж слышу голоса в прихожей, очень веселые, и сейчас же входит важный, а за ним папа.

Важный сделал шаг и стал улыбаться и кланяться. Мама к нему спешила навстречу. Я не знал, как же при важном - и вдруг на колени? И глянул на Таньку. Она моментально прыг с подоконника, и сразу бац на коленки, и сейчас же в пол головой, вот как старухи молятся. Я соскочил, но никак не мог стать на колени. Все глядят, папа брови поднял.

Танька одним духом, скороговоркой:

- Папа, прости Ребика, это мы сделали!

И я тогда скорей сказал за ней:

- Это мы сделали.

Все подошли:

- Что, что такое?

А папа улыбается, будто не знает даже, в чем дело.

Танька все на коленках и говорит скоро-скоро:

- Папочка, миленький, Ребичка миленького, пожалуйста, миленький, миленького Ребичка... не надо резать...

Папа взял ее под мышки:

- Встань, встань, дурашка!

А Танька уже ревет - страшная рева! - и говорит важному:

- Это мы у вас хвостик оторвали, а не Ребик вовсе.

Важный засмеялся и оглядывается себе за спину:

- Разве у меня хвост был? Ну вот спасибо, если оторвали.

- Да видите ли, в чем дело, - говорит папа, и все очень весело, как при гостях: - собака вдруг притаскивает вот это, - и показывает на Пудю. И стал рассказывать.

Я говорю:

- Это мы, мы!

- Это они собаку выгораживают, - говорит мама.

- Ах, милые! - говорит важный и наклонился к Таньке.

Я говорю:

- Вот ей-богу - мы! Я оторвал. Сам.

Отец вдруг нахмурился и постучал пальцем по столу:

- Зачем врешь и еще божишься?

- Я даже хвостик ему устроил, я сейчас покажу. Я там нитками замотал.

Сунулся к окну и назад: я вспомнил, что нитки я обрезал.

Отец:

- Покажи, покажи. Моментально!

Важный тоже сделал серьезное лицо. Как хорошо было, все бы прошло. Теперь из-за ниток этих...

- Яшка, - говорю я, - Яшка Рыжий видел, - и чуть не плачу.

А папа крикнул:

- Без всяких Яшек, пожалуйста! Достать! Моментально! - И показал пальцем на Пудю.

Важный уже повернулся боком и стал смотреть на картину. Руки за спину.

Я полез на окно и рвал и кусал зубами узел. А папа кричал:

- Моментально! - и держал палец.

Таньку мама уткнула в юбку, чтоб не ревела на весь дом.

Я снял Пудю и подал папе.

- Простите, - вдруг обернулся важный, - да от моей ли еще шубы? - И стал вертеть в пальцах Пудю.

- Позвольте, это что же? Что тут за тесемочки?

- Намордничек! - крикнула Танька из маминой юбки.

- Ну вот и ладно! - крикнул важный, засмеялся и схватил Таньку под мышки и стал кружить по полу:

- Тра-бам-бам! Трум-бум-бум!

- Ну, давайте обедать, - сказала мама.

Уж сколько тут реву было!..

- Отвяжи собаку, - сказал папа.

Я отвязал Ребика. Папа взял кусок хлеба и бросил Ребику:

- Пиль!

Но Ребик отскочил, будто в него камнем кинули, поджал хвост и, согнувшись, побежал в кухню.

- Умой поди свою физию, - сказала мама Таньке, и все сели обедать.

Важный Пудю подарил нам, и он у нас долго жил. Я приделал ему ножки из спичек. А Яшке, когда мы играли в снежки, мы с Танькой набили за ворот снегу.

Пусть знает!